

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств	Фантом памяти
Игра на чужом поле	Каждый за себя
Украденный сон	Замена объекта
Убийца поневоле	Пружина для мышеловки
Смерть ради смерти	Городской тариф
Шестерки умирают первыми	Чувство льда
Смерть и немного любви	Все не так
Черный список	Взгляд из вечности. Благие намерения
Посмертный образ	Взгляд из вечности. Дорога
За все надо платить	Взгляд из вечности. Ад
Чужая маска	Жизнь после Жизни
Не мешайте палачу	Личные мотивы
Стилист	Смерть как искусство. Маски
Иллюзия греха	Смерть как искусство. Правосудие
Светлый лик смерти	Бой тигров в долине
Имя потерпевшего никто	Оборванные нити
Мужские игры	Последний рассвет
Я умер вчера	Ангелы на льду не выживают
Реквием	Казнь без злого умысла
Призрак музыки	Обратная сила. 1842 - 1919
Седьмая жертва	Обратная сила. 1965 - 1982
Когда боги смеются	Обратная сила. 1983 - 1997
Незапертая дверь	Цена вопроса. Том 1, Том 2
Закон трех отрицаний	Горький квест. Том 1, Том 2, Том 3
Соавторы	Другая правда. Том 1, Том 2
Воюющие псы одиночества	Безупречная репутация. Том 1, Том 2
Тот, кто знает. Опасные вопросы	Отдаленные последствия Том1, Том 2
Тот, кто знает. Перекресток	

Адрес официального сайта Александры Мариной
в Интернете <http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ОТДАЛЕННЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ

Том 1

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Отдаленные последствия. Том 1 / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с. — (А.Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-04-168051-0

Вы когда-нибудь слышали о термине «рикошетные жертвы»? Нет, это вовсе не те, в кого срикошетила пуля. Так называют ближайшее окружение пострадавшего. Членов семей погибших, мужей изнасилованных женщин, родителей попавших под машину детей... Тех, кто часто страдает почти так же, как и сама жертва трагедии...

В Москве объявился серийный убийца. С чудовищной силой неизвестный сворачивает шейные позвонки одиноким прохожим и оставляет на их телах короткие записки: «Моему Учителю». Что хочет сказать он миру своими посланиями? Это лютый маньяк, одержимый безумной идеей? Или члены кровавой секты совершают ритуальные жертвоприношения? А может, обычные заказные убийства, хитро замаскированные под выходы сумасшедшего? Найти ответы предстоит лучшим сотрудникам «убойного отдела» МУРа Зарубину, Сташису и Дзюбе. Начальство давит, дело засекречено, времени на раскрытие почти нет, и если бы не помощь легендарной Анастасии Каменской...

Впрочем, зацепка у следствия появилась: все убитые когда-то совершили грубые ДТП с человеческими жертвами, но так и не понесли заслуженного наказания. Не зря же говорят, что у каждого поступка в жизни всегда бывают последствия. Возможно, смерть лихачей — одно из них?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-168051-0

Матвей

Часы показывали без двадцати пять. Ну, если по правилам, то шестнадцать часов сорок две минуты. Карга ждет его к пяти, к семнадцати то есть, а до ее дома осталось максимум полторы минуты самым неспешным шагом. Погодка та еще, январь в самом сыром бесснежном, зато ветреном варианте, от прогулки никакой радости, но и приходить раньше времени неохота. Точность — вежливость королей. Мама всегда говорила: давать людям нужно то, что у тебя есть; денег нет на подарок — своими руками сделай, стишок сочини, картинку нарисуй; совсем ничего не умеешь — подари свое уважение. Правда, про связь между уважением к людям и умением обращаться со временем Матвей понял не сразу, мал еще был, когда мама впервые это сказала, но потом, по мере взросления, дотумкал, конечно. Хорошая у него мама, умная, хотя считается почему-то, что если продавщица в супермаркете, значит, отстой. Если честно, то Матвей и сам до определенного возраста так думал и даже немножко стеснялся отвечать, когда

спрашивали, кто у него родители. Отец таксует, мама за прилавком стоит. Сейчас, когда ему уже двадцать три, то и дело душу окатывает стыдом за те подростковые глупости. Нельзя ни стыдиться людей, ни гордиться ими, их можно только любить и уважать или не любить и не уважать, без вариантов. Если человек чего-то достиг, то это его собственная заслуга, а никак не твоя, и он, может, и имеет право чем-то там гордиться, а ты при чем? Достиг человек, добился, сумел, преодолел — умей порадоваться за него, поздравь. Сделал он гадость — пусть ему самому будет совестно, а ты можешь только посожалеть, что человек морально опустился. Вот старую каргу Матвей не любит, бесит она его, но — уважает, с этим не поспоришь. Кстати, с каргой его отец и свел, он же не просто таксист, он — водитель такси VIP-класса, на работе в костюме и при галстукe, сорочки всегда свежие и наглаженные, ботинки сверкают. Дресс-код, понимать надо. Старую каргу отец как-то вез в аэропорт, путь неблизкий, разговорились, Светлана Валентиновна посетовала, что с интернетом у нее дома постоянные проблемы, говорят, нужно менять провайдера и ставить более продвинутый роутер, а ей это сложно, вот отец и предложил, мол, если хотите, я вам своего сына пришлю. Светлана Валентиновна это карга и есть, если кто не понял.

Интернет Матвей ей наладил, само собой, уж он-то отлично сечет фишку: в каком районе Москвы у какого провайдера оборудование

надежнее. Настроил роутер, усилители купил и по квартире распределил так, чтобы до всех углов и закоулков вайфай доставал.

— Я уже старенькая, — сказала ему в тот раз Карга Валентиновна, — здоровье частенько подводит, иногда по нескольку дней лежу или в постели, или на диване, не встаю, а мне работать нужно.

Работать! Это кем же таким она, интересно знать, работает, что ей прям круглые сутки и из любой позиции нужен доступ в интернет? Небось сериалы свои старушечьи смотрит целыми днями да светские сплетни читает. Когда Матвей был совсем маленьким, с ними жила отцова бабушка, Матвею, стало быть, прабабкой приходилась, так она как включала с утра телик — так до вечера и не выключала, все подряд смотрела: и новости, и мультики, и политику всякую, и кино, концерты, в общем, что показывали — то и смотрела.

Подозрения подтвердились, когда Карга попросила его навести порядок на ее компьютерном рабочем столе и вывести на экран иконки сайтов двух десятков телеканалов и десятка радиостанций. И это при том, что в квартире у нее три телевизора, он своими глазами видел: в гостиной, в спальне и на кухне. Обсмотришь, хоть в постели, хоть на диване, хоть за чаем с плюшками. Видя его насмешливое недоумение, Карга пояснила:

— Я не смотрю телевизор, у меня на это нет времени.

— А как же тогда...

— Я работаю, — женщина тонко улыбнулась, отчего ее испещренное глубокими морщинами лицо стало похоже на смятую бумажку. — Я не смотрю то, что показывают, я это изучаю. Разница понятна?

Матвей кивнул, хотя на самом деле не очень понимал. Но выглядеть дураком в глазах старухи не хотелось. По его мнению, в телевизоре показывали откровенный бред, перемежавшийся лажей и глупостями. Как можно это изучать? Для чего? Он решил, что старуха или прикидывается умной, или прикалывается, а может, у нее крыша съехала, лет-то до фига...

Когда уходил в тот самый первый раз, Светлана Валентиновна протянула ему деньги — хорошие, достойные, он и не рассчитывал, что его услуга будет оценена столь высоко, уверен был, что просто делает одолжение, бесплатное, ведь мама всегда учила, что старикам нужно обязательно помогать, даже если выходит в ущерб себе. Матвей деньги брать не хотел, но Карга настояла:

— Мне еще не раз понадобится твоя помощь, а если не будешь брать деньги — не стану к тебе обращаться.

Ну, раз так, то взял, конечно. Деньги лишними не бывают.

Шестнадцать пятьдесят три... В телефоне не поковыряешься, ветер холодный, снимешь перчатки — руки мгновенно заледенеют. Осталось семь минут. Что такое семь минут для

нормального человека? Да тьфу! Но не для Светланы. У нее вся жизнь чуть ли не по минутам расписана, как она сама говорит, «плотно упакована». Может, старуха сейчас как раз переодевается, она все делает очень медленно, думает, что у нее еще семь минут есть в запасе, а тут он явится, здрасьте вам, открывайте мне дверь со снятыми штанами. Ладно, подождет еще, пройдетя до угла и назад. Старуха ценит его пунктуальность, всегда хвалит, говорит, что по Матвею можно часы сверять, и почему-то от ее похвал у него делается теплее на сердце.

Вот уже почти три года он регулярно ездит к Карге Валентиновне, помогает таблицы составлять, списки какие-то бесконечные, графики и диаграммы рисовать.

— Давайте я вас научу, это же просто, — предложил он как-то. — Не будете от меня зависеть.

Если она не будет от него зависеть, то и зарработка от старухи ему не видать, Матвей это понимал, но он любил, чтобы все было по-честному. Так мама с отцом воспитали. Он ни минуты не сомневался, что для Светланы Валентиновны освоить работу с нужными программами — раз плюнуть, у нее мозги пашут — дай бог каждому, недаром же столько регалий у нее, и научных трудов, ею написанных, целая полка.

— Мой юный друг, — ответила тогда Карга, — я уже в том возрасте, когда любое обучение протекает крайне медленно, а времени

у меня впереди очень и очень мало, и я не могу позволить себе тратить его на все подряд. Есть вещи, которые никто, кроме меня самой, не сделает, но во всем остальном я предпочитаю прибегать к посторонней помощи в целях экономии жалких остатков дней, которые мне осталось прожить.

Матвею при этих словах стало отчего-то грустно. Конечно, Светлана уже ветхая совсем, ей восемьдесят с большим гаком, и понятно, что в любой момент... Но жалко ужасно. И дело вовсе не в деньгах, которые она щедро платит за помощь. С ней интересно, она всегда сначала объясняет, какую таблицу или диаграмму они будут делать, а потом рассказывает и показывает: что получилось и к каким выводам привело. Ум у Карги Валентиновны цепкий, острый, слушать ее пояснения — одно удовольствие, и в какой-то момент Матвей поймал себя на том, что не только получает новые знания, но и непроизвольно транслирует их вовне, когда общается со своей тусовкой. Народ был в шоке, услышав от него кстати вставленную реплику о чередовании запроса на свободу, запроса на стабильность и запроса на справедливость. Больше всего Матвею нравилось, когда Светлана Валентиновна занималась статистикой дорожно-транспортных происшествий: ему как мужчине это было и понятно, и любопытно, а старушка-профессор не только цифрами сыпала, но и конкретные истории рассказывала, да такие порой,

что у него в горле першить начинало и глаза подозрительно почесывались.

Но бесила его Светлана до умопомрачения. Она все записывала. Вот прям все-все, даже кто когда и с какой целью ей позвонил, не говоря уж о подготовке к походам в магазины. Походу обычно предшествовала ревизия холодильника и кухонных шкафов: Карга смотрела и диктовала, Матвей послушно записывал. Потом Светлана Валентиновна садилась за стол и начинала составлять список покупок, сверяясь с результатами инвентаризации:

— Рис, — произносила она, закрыв глаза и делаясь похожей на спящую черепаху.

— Полпачки, — отвечал Матвей, глядя в записи.

— Пропускаем. Гречка.

— В пачке на доньшке.

— Записывай две пачки. Макароны.

— Вообще нет.

— Пиши: две упаковки. Йогурт.

— Один.

— Пиши: три, если сроки подходят, и шесть, если срок приличный.

Она всегда точно знала, какие продукты и сколько ей нужно на неделю, на две, на месяц, отвечала сразу, без подсчетов и раздумий. И вообще каждую минуточку берегла как зеницу ока.

— У меня старческий тремор, я уже не могу записывать от руки так же быстро, как в молодости, — объяснила она Матвею. — Если

я одна, то приходится управляться самостоятельно, но когда рядом кто-то есть — стараюсь пользоваться помощью. Время — это единственное, что имеет смысл экономить. Деньги можно заработать или получить, в наследство например, здоровье можно поправить при помощи медицины, и только время абсолютно неумолимо, мы над ним не властны, потратим впустую — другого уже не выдадут, и не одолжить его, и не украсть, и не купить.

Первое время Матвей удивлялся и задавался вопросом: как же Светлана справляется в другие дни, когда его нет? Со временем узнал, что к ней часто приходят какие-то люди, которых она коротко и невнятно называла «моими учениками». Наверное, студенты или аспиранты. Тоже, небось, сидят на кухне и продукты помогают переписывать. А вот в магазин за этими самыми продуктами старуха ходит сама. Списанием вооружится — и вперед. Самостоятельная, блин.

Страх что-нибудь забыть превратился у Карги Валентиновны в манию, и вся ее довольно просторная квартира была завалена толстыми ежедневниками, блокнотами в твердых переплетках, а все более или менее пригодные поверхности оклеены разноцветными квадратиками с напоминаниями.

Светлана Валентиновна Стеклова до сих пор руководила кафедрой в университете, имела две докторские ученые степени — по криминологии и по социальной психологии, причем не

по совокупности работ или научному докладу, а написала две полноценные диссертации, если считать вместе с кандидатской — то три. Ее преданность научным исследованиям и трудолюбие вызывали уважение; критичность и язвительность по отношению к себе восхищали Матвея; а вот вечный бардак в блокнотах, бумагах, бумажках и бумажонках — раздражал, порой до бешенства. И еще Матвея бесили бесконечные чаепития с тщательной сервировкой стола. Карга церемонно разливала собственноручно заваренный чай из красивого фарфорового чайничка в изящные фарфоровые чашечки, ставила на стол не только сахарницу, но и молочник, в который наливала сливки, и сухарницу, наполненную печеньем и всяким другим вкусеньким. В принципе Матвей не имел ничего против красоты стола, но ведь так долго все получается! Он-то отлично обошелся бы бумажным пакетиком, кипятком и обычной офисной кружкой, и сахар имеет ровно тот же вкус, если брать кубики прямо из коробки. Не поймешь эту Каргу, честное слово! То помогай ей записывать, потому что времени жалко, то тратит это самое время на церемониальные глупости с чаем, занимающие в общей сложности около получаса, когда можно было бы обойтись тремя минутами. Матвей привык иметь дело с компьютерами, и любая непоследовательность и нелогичность ставила его в тупик и заставляла злиться. Однажды он, не выдержав созерцания того, как Светлана Ва-

лентиновна священнодействует над сервировкой, предложил:

— Давайте я помогу.

— Ни за что, — отрезала Карга, и ему показалось, что она даже рассердилась. — Я сама.

— А как же время, которое вы так старательно экономите? — поддел ее Матвей. — Я в сто раз быстрее управлюсь.

Она не ответила, продолжая мелкими шажками передвигаться по кухне, и чашка в ее дрожащей морщинистой руке, покрытой пигментными пятнами, противно дребезжала на блюдечке, а светлая поверхность рабочего стола пестрела темными точками чаинок, просыпанных мимо заварочного чайника. Вот поди пойми этих старух!

Шестнадцать пятьдесят восемь... Пора двигаться, еще двадцать метров до арки, потом во двор, и в домофон Матвей позвонит ровно в семнадцать ноль-ноль.

У подъезда стояла белая машина «Скорой помощи» и еще одна, при виде которой у Матвея болезненно екнуло сердце. Знал он эти машины, доводилось сталкиваться, когда прабабушка умерла, и потом еще пару раз случалось. И ведь знал, все это время знал, что Светлана Валентиновна старая и больная, а все равно в первый момент подумал, что беда у кого-то из ее соседей, не у нее, не с ней.

Дверь подъезда открылась — он даже прикоснуться к домофону не успел. Крепкие мужички вынесли носилки с телом, упакован-

ным в мешок, за ними — врач и фельдшер со «Скорой», в синей униформе, следом вышли еще двое, молодые, по виду — на несколько лет старше самого Матвея. Одного из них Матвей узнал, встретил как-то у Светланы; они с Каргой очередные графики рисовали, а этот, с усами и аккуратной бородкой, какую-то папку принес и сразу ушел, даже раздеваться не стал. Бородатый глянул на Матвея, вроде и не узнал, потом остановился.

— Ты Матвей?

— Ага.

— Видишь как... — он беспомощно развел руками.

— Как?! Ну как?!

Матвей почти кричал, с трудом подавляя желание схватить бородатого за воротник куртки и тут же придушить. Господи, как будто этот тип в чем-то виноват...

Ну как же так?! Почему?! От отчаяния Матвею хотелось расплакаться. Ведь только сегодня утром, часов в одиннадцать, Карга позвонила ему, пожаловалась, что ноутбук все время зависает и невозможно ничего загрузить, а она приболела, плохо себя чувствует, за стационарным компьютером сидеть не может, второй день лежит, и без ноутбука ей никак нельзя. Матвей вызвался приехать сразу же, но она сказала, что сейчас не надо, в час придут ее ученики, освободится она часам к четырем, поэтому договорились на пять, чтоб уж наверняка. Ученики, бородатый и тот, второй, пришли, а через

полчаса в панике начали вызывать «Скорую». Врачи очень старались, но помочь не смогли. И вот все закончилось.

Так быстро все случилось — Матвей даже попрощаться не успел со Светланой. Неужели она и на своей смерти время сэкономила? Вот ведь...

Каменская

Бурный финал, мощные повторяющиеся оркестровые аккорды.

— Как видим, ничем хорошим эта романтическая история не кончилась, — произнесла с улыбкой Анастасия Каменская. — Какие у вас будут варианты?

Учащиеся детской музыкальной школы сидели за столами, составленными в виде буквы П, а Настя находилась в пространстве между ножками этой буквы, которое она про себя называла «патио», внутренним двориком. Ну а что? Похоже, просто один в один. Шестой класс, урок музыкальной литературы. Штатный преподаватель сидит здесь же, у рояля, наблюдает, чтобы педагог-волонтер учила подростков правильно. Тому, чему нужно. Ну и вообще...

Первой подняла руку хорошенькая девочка в модных очках. Если Настя правильно помнит, класс виолончели.

— Он ее убил, да?

— А может, не он ее, а она его, — тут же возмутился паренек-пианист.

■ Этот мальчик на занятиях у Насти был са-

мым активным и, как ей показалось, лучше и быстрее других улавливал смысл того, что она пыталась им показать. Может, он и не станет великим исполнителем, концертирующим по всему миру, но с аналитическим мышлением у него совершенно точно полный порядок.

— Она со скалы в море бросилась, — подала голос другая девочка, тоже пианистка.

— Или он, а не она, — не уступал паренек. — Почему у вас вечно получается, что если она, то обязательно жертва, а он всегда негодяй? Разве наоборот не бывает?

Штатный преподаватель по имени Лариса Петровна, пожилая седая дама, с трудом подавила смех.

— Других версий нет? — спросила Настя, стараясь сохранять серьезную мину. — Тогда давайте разбираться, кто у нас все-таки умер в финале.

— А как? — спросили ученики почти хором.

— Будем смотреть, кто из двоих сильнее, кто слабее, кто мягкий, а кто агрессивный. Помните то место, где наши герои выясняют отношения?

Судя по выражениям лиц, не больше половины будущих музыкантов понимали, о чем идет речь.

— Вадик Малков, — послышался голос Ларисы Петровны, — говори, я же вижу, что ты помнишь.

Вадик Малков, тот самый толковый мальчик-пианист. У Ларисы Петровны он тоже

ходит в отличниках. И даже, наверное, в любимчиках.

Фортепианный концерт Сен-Санса слушали с компьютера, к которому подключены хорошие динамики, но у каждого ведь есть свой телефон или айпад. Вадик быстро нашел в «Ютубе» нужное произведение и после нескольких неудачных попыток отыскал то место в третьей части концерта, которое, по его мнению, походило на диалог, именуемый выяснением отношений.

— Это?

— Совершенно верно, — кивнула Настя. — И так, мы тебя слушаем. Какие есть идеи?

— Пусть дети еще раз послушают, — вмешалась Лариса Петровна. — Не у всех такая хорошая музыкальная память, как у Малкова.

— Конечно.

Настя включила фрагмент концерта на компьютере. На лице способного мальчика Вадика в первый момент промелькнуло торжество, почти сразу же сменившееся растерянностью: его трактовка не выдерживала никакой критики.

— Нижняя партия сердится, а верхняя оправдывается, — раздался чей-то голос.

— Не, не оправдывается, а успокаивает...

— Да, точно!

— Или нижняя угрожает и требует, и верхняя просит сжалиться!

— Нижняя точно дядька, здоровенный такой, с басом! Бычок-качок.

Ребята вдруг заговорили наперебой, и Настя

поняла, что цель достигнута: каждый из них отчетливо представил, о чем шла речь.

— Ага, здоровенный и злой, он рассердился и грохнул свою возлюбленную!

— А может, он не ее грохнул, а себя, — продолжал сопротивляться Вадик Малков.

Кажется, ему очень хочется сделать из мужчины жертву...

Лариса Петровна выразительно поднесла к глазам руку с часами и посмотрела на Настю. Время урока истекало, пора закругляться.

— Вы пустите меня еще раз в эту группу? — тихо спросила Настя у преподавателя.

— С удовольствием, — улыбнулась Лариса Петровна.

— Значит, я могу дать им домашнее задание?

— Разумеется.

Настя снова вышла во «внутренний дворик» и подняла руку.

— На сегодня мы закончили. Если вам интересно то, чем мы сегодня занимались, то попрошу вас дома еще раз внимательно послушать концерт и подумать, что же все-таки случилось в финале. Юноша убил свою любимую девушку? Или покончил с собой? Или произошло нечто совсем иное?

— И творческую биографию Сен-Санса выучите как следует, — громко добавила Лариса Петровна. — Буду спрашивать. По Франции девятнадцатого века в следующий раз будет последний урок, потом начинаем немецких ро-

мантиков, перечень обязательных к прослушиванию произведений посмотрите в методичке.

Юные музыканты мгновенно превратились в самых обычных школяров, радующихся окончанию урока и с шумом и смехом вываливающихся из класса. Настя тоже собралась уходить, но Лариса Петровна ее остановила.

— Анастасия Павловна, задержитесь на пару минут, — произнесла она неожиданно сухим тоном.

Так, понятно. Настя что-то сделала неправильно, и сейчас ее попросят больше не приходить в музыкальную школу. Конечно, не катастрофа, занятия она ведет бесплатно, без всякого договора, всего лишь с милостивого разрешения учебной части, так что заработка не потеряет, но очень неудобно перед Зоей Печерниковой, когда-то учившейся в этой школе, и ее другом-аккомпаниатором, который работает здесь штатным концертмейстером. Они оба так уговаривали сначала Настю, потом руководство школы...

— Вы провели блестящий урок, — начала Лариса Петровна. Говорила она строго, но, как показалось Насте, уже чуть мягче. — Но на вашем месте я была бы осмотрительнее.

— Осмотрительнее в чем?

— В формулировании домашнего задания.

— А что с ним не так? Слишком объемно? Слишком сложно? Или что?

Лариса Петровна с досадой махнула рукой и аккуратно закрыла крышку рояля.